МОСГОРСПРАВКА
Отдел газетных вырезок
Чистопрудный бул., 2. Телефон К 0-96-69

Вырезка из газеты СМЕНА

18 НОЯ 1953

Ленинград Газета № 1

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Нинель Кургапкина

У подножья средневекового полуразрушенного замка, на поляне под густой сенью вековых дубов накрыты столы.

Немало видели на своем веку стены старинного замка, но такого еще не приводилось: люди разных оттенков кожи, в пестрых одеждах востока и европейских костюмах, приехавшие за тридевять земель со всех концов света, пришли на свадебное торжество — не княжеской четы — простого крестьянина и простой крестьянки из румынской деревни.

Вряд ли мир знал когда-либо такую необычную свадьбу! Впрочем, все шло своим чередом, и, как это заведено сама ли не у всех народов, гости кричали «горько», а жених и невеста публично целовались. Потом полетались тосты за здоровье молодых, и представители разных наций поочередно на своем языке хором пели свадебные песни, в которых желали молодоженам богатства, счастья и, конечно же, хорошего наследника.

«Так будьте здоровы, живите богато...» — запучали слова советской шуточной песни.

Глядя на смуглые лица индусов, широкие чепцы бретонок, яркие куртки немцев, клетчатые платьица шотландских девушек, слушая разноязычную речь, Нинель Кургапкина, молодая ленинградская балерина, присутствовавшая на свадьбе, переживала то новое, еще неизведанное чувство, которое, как понимала она, владело в этот момент всеми. Люди говорили, пели, исцеловали виновников торжества, накидывали на плечи невесте пестрые платки с эмблемой фестиваля, и никто не замечал даже, что и говорят и поют они на разных языках.

Этим парням и девчатам не нужна война! Разве им плохо веселиться вот так, желать счастья друзьям и мечтать о собственном счастье. Но кому-то, лично-му и купому, хочется толкнуть их в братоубийственную бойню, лишь бы продлить свой торгашеский век...

Размышления Кургапкиной были прерваны возгласами — ее просили станцевать: некоторые видели ее уже на концертах в Бухаресте и хорошо запомнили русскую балерину.

Она танцевала классический вальс со своим партнером москвичом Геннадием Лелиным — здесь же на лужайке под аккомпанемент баяна.

Танец всегда живет не техникой, хотя без нее немыслим, он жив той душевной борьбой, теми чувствами и переживаниями, которые переполняют артиста.

Говорили, что она никогда еще так захватывающе не танцевала.

...Стоя перед раскрытым окном поезда, мчавшего советскую делегацию из Бухареста — с IV Всемирного фестиваля молодежи — домой, Нинель перебирала в памяти бухарестские впечатления, виняли в сокровенный смысл того, что в праздничной суетоте залело лишь чувство, но что она тогда не смогла или просто не успела осмыслить.

Угадывая глаз (так, чтобы никто не заметил) выглядывая на золотую медаль, прикрепленную справа на груди, и бережно поправляя ее, Нинель вспоминает, как они с Лелиным, услышав свои имена, бегут сквозь рукоплещущий зал, взлетают по мосткам, перекинутым через оркестр на сцену. За исполнение классического дуэта из советского балета Асафьева «Пламя Парижа» им вручаются дипломы лауреатов и медали. Кто-то обнимает, кто-то целует, жужжат прожекторы, охватывая жаром лучей, — ее снимают на кинопленку. Но важно не это — не слава. Важно, что, значит, сумела она своим искусством разжечь у людей, сидящих в зале, то чувство восторга и восхищения, радости, которое объединяет, роднит людей, облагораживает их, значит, нашла она тот общий язык, который понятен всем, заронила искры любви к русскому балету, к советскому искусству. И уже по-профессиональному приятно было, когда в ее борную, восторгаясь, вбежала бразильская балерина, умоляя показать, как советские танцовщицы делают экзерсис: она хотела хотя бы в общих чертах иметь представление об основах русского балета, о том, в чем его сила. Нинель улыбнулась про себя — не в экзерсисе дело, не в сумме технических приемов...

На фестивальных встреч Кургапкиной особенно запечатлелась встреча с бельгийской делегацией, не потому, что другие встречи были менее интересны и знаменательны, — она поразила ее наивностью вопросов, задаваемых бельгийцами. Что стоит, например, такой вопрос: «Правда ли, что русские рабочие имеют возможность совмещать работу на производстве с учебой в школе и что им даже дают месяц на сдачу экзаменов с сохранением содержания?», «Правда ли, что рабочие получают месячный отпуск с оплатой?», «Правда ли, что у вас медицинская помощь бесплатна?» или «Правда ли, что у вас дети воспитываются в яслях и детских садах?».

Ее смешило недоверие, с каким бельгийцы задавали эти вопросы.

Ее детские годы прошли в яслях. А подросла — ходила в детский сад. Там-то на музыкальных уроках и обнаружились ее способности. На детских праздниках она лихо отплясывала перед своими сверстниками веселый гопачок, разбитной матросский, разудалую русскую. А когда взрослые спрашивали ее: «Кем же ты будешь, Неля, когда вырастешь?» — она с безапелляционной детской убежденностью отвечала:

— Я буду балериной...

Мы знаем немало фильмов — итальянских, французских, американских, рассказывающих о судьбе актрисы в капиталистическом мире. Она выходит к рампе ценой продажи своей совести или тела, либо, раздавленная неравной борьбой, отказывается от надежды отдать людям свой талант.

— Я буду балериной...

Дети везде одинаковы — во всех странах и на всех континентах. Они хотят стать летчиками, шоферами, изобретателями, артистами. Они мечтатели. Они пришли в мир для созидания. Они не хотят видеть реальных преград, которые встанут на их пути. Они слишком простодушны и слишком верят во все светлое. Но вместе с тем, что может быть естественнее и человечнее этой детской морали! И если эта фантастическая и наивная мечта ребенка сбывается — что может быть прекраснее!

— Я буду балериной... — говорила Неля. И ее убежденность, хотя и вызывала усмешку у взрослых — сколько еще воды утечет! — но разве кто-нибудь сомневался в самой реальности ее мечты?

Ей шел восьмой год, и она еще не ходила в школу, когда в районе, где она жила, был объявлен конкурс детской художественной самодеятельности. Об этом вечером, за чаем сообщила мама и на следующий день повела Нелю в районный Дворец культуры, там ее включили в список.

И вот чьи-то заботливые руки подсадили ее, и она на сцене, первый раз на сцене. От страха, растерянности чуть было не разревелась, но всяком случае губы сомкнулись и задрожали. Смяли звуки гопака, грянувшие откуда-то из-за кулис. Она сделала первый шаг, удивившись вдруг вновь отуда взявшейся легкости, пошла и пошла... Неожиданно гопак сменился матросским танцем, а тот русским.

Затем юная танцовщица не менее достойно выступала на городском смотре. Ее наградили грамотой. А осенью, когда она поступила в школу, ее взяли в районный Дом художественного воспитания детей — в класс хореографии.

Через год на итоговое занятие хореографического класса пришла Агриппина Яковлевна Ваганова — основательница советской балетной школы. Девочки делали экзерсис. Неле нехватило места у палки: она была самой маленькой девочкой в классе и по ранжиру стояла обычно последней. Ей пришлось показывать свои достижения, держась за ручку кресла, в котором сидела старая, важная и, как ей тогда показалось, очень строгая женщина. Ваганову приглашалась музыкальная и пластичная девочка, и Нинель была принята в хореографическое училище. Учеба у лучших танцовщиц. Первые успехи.

12 лет маленькая танцовщица уже дебютировала на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Она танцевала в балете П. И. Чайковского «Щелкунчик» партию девочки Маши.

О Кургапкиной заговорили, когда она исполнила танец кукол Лялова. Этот чрезвычайно технически изощренный номер требовал создания сложного психологического рисунка. И Нинель сумела передать «переживания» куклы — и ее кукольное веселье, и ее кукольную любовь к арлекину, и ее кукольный испуг, когда арлекин, спотыкнувшись, падает у ее ног, а она первое мгновение, не осознав «беды», меланхолично перешагивает через него...

Это было во время войны, в Молотове, где училище находилось в эвакуации. Классы были неприспособлены, плохо отапливались. Было голодно. Но занимались с рвением. Выступали перед солдатами, отправляющимися на фронт, перед ранеными в госпиталях. Жили верой в победу. Именно в эти дни Нинель с подругами вступила в комсомол. Как сейчас, в ее памяти этот день. Они бегут сквозь метель на лыжах в райком комсомола. Там им вручают билеты членов Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. И с гордым чувством, что они уже взрослые, что они сопричастны к большому делу, они возвращаются назад.

После окончания училища Кургапкину приняли в труппу Ленинградского театра оперы и балета. Первые три года она танцевала в операх или выходила в миманс.

Как-то заболела актриса, танцующая одну из подруг Паши в «Медном всаднике» Гизара. Об этом стало известно буквально за полчаса до спектакля. Кто-то из артистов предложил «попробовать» Кургапкину. Художественный руководитель и слышать не хотел: «Кургапкину? Да еще без единой репетиции? Нелепо». А девушки за кулисами уже показывали ей основную линию роли. Она быстро освоила мизансцены: у нее счастливая память, и она почти все партии всех балетов помнила наизусть. Другого выхода не было, и Кургапкину выпустили. После спектакля художественный руководитель говорил:

— Вы удивили меня. Блестяще. Можно подумать, что вы по крайней мере год танцуете эту партию.

Кургапкину все чаще и чаще стали вводить в спектакли, и через год она танцевала различные сольные партии едва ли не во всех балетах, имеющихся в репертуаре театра.

С одинаковым успехом Нинель переходит, используя свою виртуозную технику, характер каверзной и задиристой сестры Золушки (Зяюка из «Золушки») и вихревой, раскрытой в полете, стремительной «Смелости» из «Спящей красавицы», фантастической, исполненной магической силы, медлительной повелительницы мертвого царства (Мирта из «Жизели»), и простой девушки-колхозницы, героини труда (Галя из «Родных полей»).

И все-таки Нинель не довольна собой. Нельзя считать большой удачей Жанну из «Пламени Парижа» или Галю из «Родных полей», как бы технически безукоризненно она ни исполняла их. Уж слишком это какие-то «голубые» роли: мало еще в них настоящих человеческих страстей, выраженных в танце. А преодолеть эти недостатки своим несовершенным еще актерским мастерством, насытить и обогатить образ она еще полчас не в силах...

...Уже стемнело, и, глядя, как стремглав падают в черноту выгравированные на мгновение светом от окон поезда телеграфные столбы, как оседают на проводах клочки пара, Нинель думает о том, что ее ждет новая и трудная роль — ей поручили танцевать Парашу в «Медном всаднике». Нужно будет перечитать поэму Пушкина, роман Достоевского «Белые ночи», «Петербургские повести» Гоголя. Все это поможет понять людей той эпохи, ярче воплотить образ простой, чистой русской девушки, трогательно влюбленной в «маленького человека», поднимающегося до стихийного бунта против самодержавия... И главное — скорее в репетиционный зал! Столько дней без тренировки. Работать, работать, работать — ее жизнь балерины по-настоящему только что начинается... С этими мыслями она приехала в родной город и сразу же с головой ушла в работу.

Г. БАЛЬДЫШ